

ОБ УМЕ И ПЫЛЕ В ПЛАТОНОВОМ «ПИРЕ»:
ФОРМУЛА ЛЮБВИ НАСТАВНИЦЫ
СОКРАТА В СТИХОТВОРЕНИИ
АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА¹

А. А. Синицын

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
aa.sinizin@mail.ru

ALEXANDER A. SINITSYN

The Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities (St Petersburg, Russia)

ON THE WITS AND ARDOUR IN PLATO'S *SYMPOSIUM*:

SOCRATES' EDUCATOR'S FORMULA OF LOVE IN ALEXANDER KUSHNER'S POEM

ABSTRACT. The article examines a poem written by a contemporary Petersburg poet, Alexander Semyonovich Kushner "And what a foreign lady said..." The poet mentions the Athenian thinker Socrates and a foreign lady, never giving her name. It is clear that he speaks about the priestess Diotima of Mantinea (an ancient city in Arcadia), with whom Socrates, a character in Plato's dialogue *Symposium* (Plato, *Symp.* 201d–212b) conversed. Why should the story of love told by the Mantinean priestess have failed to inspire the Russian poet when he read it for the second time ("this time")? Why did Kushner think that *Symposium* is "less about ardour, / Than a long invocation of wits"? It is the most erotic not only in Plato's works but also in the whole classical philosophy. Diotima praises Eros's might and valour, she calls him a great genius, a mediator between the immortal and the mortal. Socrates' educator in "the philosophy of love" says that love is an ascent from the contemplation of the physical beauty to the contemplation of the beauty proper (Plato, *Symp.* 210a–212a). What the priestess in the ancient Greek philosopher's dialogue tells about love, virtue, aspiration to engender the beautiful and the immortal, Kushner "applies" to the experience of earthborn sentiment. In his "antiquity-oriented" poem he does not agree with the "formula of love" proposed by Diotima (Socrates = Plato). The poet seems to regard "the Diotima formula" as abstract, divorced from reality, which is more

---

¹ Доклад на эту тему был прочитан на заседании историко-культурологического семинара «Боги, люди и миры в прошлом и настоящем – XVIII», который состоялся 24 мая 2024 г. в Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского в рамках «XXIV Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений». Благодарю А. В. Успенскую, И. Н. Мочалову, Р. Н. Дёмина, А. Я. Кожурину и других участников семинара за вопросы и дискуссию по литературно-философской теме доклада. За помощь литературой признателен другу и коллеге Е. В. Смыкову (Саратов, СГУ).

multifaceted and complicated than any theory. In this “non-platonic” work, Kushner estranges himself from Plato’s *Symposium* and says that love cannot comply with any “formula”.

KEYWORDS: Russian poet, A. S. Kushner, ancient thinkers, philosophy, Socrates, *The Symposium*, Diotima, death, love, Eros, irony, reception, poem analysis.

В данном очерке я выскажу замечания к одному «антиковедческому» стихотворению современного классика, петербургского поэта Александра Семёновича Кушнера «А то, что говорила чужестранка...». В нем автор ссылается на диалог Платона «Пир» и критикует теорию ἐρωτικῆς, изложенную в нем афинским философом. Неожиданная кушнеровская рецепция платоновской философии любви вызывает интерес и побуждает к дискуссии.

Впервые стихотворение «А то, что говорила чужестранка...» было опубликовано в поэтическом цикле «На вашей стороне» в первом номере журнала «Знамя» за 2006 год. Приведу это платоновско-сократическое (или, пожалуй, антиплатоновское и антисократическое) сочинение А. С. Кушнера полностью:

А то, что говорила чужестранка
Сократу о любви, на этот раз
Меня не вдохновило — лишь осанка
Ее была отрадою для глаз.

5 Нам дорого, что скажет чужеземка,
Свою бы мы не приняли всерьез,
Подумали б сто раз мы перед тем, как
Прийти в азарт от рук ее и кос.

И что она о страсти говорила
10 И благом называла, — почему?
Я «Пир» перечитал. В нем меньше пыла,
Чем длинной апелляции к уму.

Впотьмах я налетел на спинку стула,
Об угол я ударился стола,
15 Хотя бы раз рукой слезу смахнула!
Обманутой ни разу не была?

Не видела, как, взгляд уставив в точку,
Стальное дуло держат у виска,
Как к сердцу клен несет свою примочку,

20 Осиротев, мрачнеют облака?

Нет формулы. И мел крошить не надо.
 Что можно взять и вынести хоть раз
 В любви за скобку? Нежность, мрачность взгляда
 На этот мир, смятенье? — Только нас!

В стихотворении упоминаются афинский философ Сократ и женщина, которая является его наставницей в любви, вернее, в философском истолковании этой категории. Поэт говорит о «чужеземке», «чужестранке», не называя ее по имени, но понятно, что это не *какая-то* безымянная женщина, обучающая Сократа «любвиологии». Здесь подразумевается мантинейка Диотима — жрица, о которой Платон рассказывает в «Пире» (201d–212b)².

После диалога с хозяином симпозиа Агафоном, герой Сократ говорит собравшимся в доме афинского трагедиографа:

Я попытаюсь передать вам речь об Эроте, которую услышал некогда от одной мантинейки, Диотимы, женщины очень сведущей и в этом и во многом другом и добившейся однажды для афинян во время жертвоприношения перед чумой десятилетней отсрочки этой болезни, — а Диотима-то и просветила меня в том, что касается любви, — так вот, я попытаюсь передать ее речь, насколько это в моих силах, своими словами... (Plato. *Сymp.* 201d)³

В русском переводе С. К. Апта, в котором А. С. Кушнер читал «Пир» Платона (это я поясню ниже), слово «чужеземка» в отношении Диотимы дважды встречается в рассказе Сократа: «...выяснить это так же, как некогда *та чужеземка* (ἡ ξένη)...» (Plato. *Сymp.* 201e)⁴; Сократ обращается к Диотиме: «Пусть так, *чужеземка* (ὡ ξένη), ты говорила прекрасно...» (204c)⁵. Есть и еще один случай с Диотимой-ξένη, но в переводе С. К. Апта слово «чужеземка» здесь упущено: «О, любезный Сократ! — сказала *чужеземка-мантинейка*

² О Диотиме Мантинейской: Kranz 1926; Neumann 1965; Wipperfurth 1965; Levin 1975; Saxonhouse 1984; Waithe 1987; Nye 1989; 1990; Halperin 1990; Frede 1993; Nye 1994; Irigaray 1994; Sier 1997; Rowe 1999; Nails 2002: 137–138; Evans 2006; Brisson 2006; De Luise 2012; Ferrari 2012; Wersinger 2012; 2013; Keime 2014; Nye 2015; Männlein-Robert 2016, 201–203; Nails 2016, 307–309; Keime 2016; Нейлз 2019: 154–155; Гончарко 2021; Rabassó 2021; Галанин 2022, 32–38; Addey 2022; Layne 2024; Addey 2024; Miller 2024, 570–572, 578; Ortega, Layne 2024.

³ Пер. С. К. Апта по изд.: Платон 1993b, 11 (в статье даются ссылки на это издание).

⁴ Платон 1993b, 11.

⁵ Платон 1993b, 14.

(ἡ Μαντινικὴ ξένη)...» (211d). Из аптовского перевода «Пира» А. С. Кушнер и позаимствовал «чужеземку». Древнегреческое слово ξένη означает «чужачка», «чужеземка», «иноземка», т. е. женщина, живущая в другом городе, в отличие от гражданки полиса⁶. Это слово также имеет значение «чужестранка», «иностранка», т. е. жительница иной страны, но называть «чужестранкой» эллинку из другого полиса все-таки не корректно, поскольку древняя Эллада не была единым государством. У Платона в рассказе Сократа слово ξένη в отношении Диотимы означает то, что она не афинянка. Как неоднократно говорит герой «Пира» Сократ, Диотима происходила из Мантинеи — полиса, который находился в Аркадии (области в центральной части Пелопоннеса), примерно на расстоянии двухдневного пути от Афин. Высказывались предположения о том, что Диотима могла быть странствующей жрицей, которая переходила из полиса в полис и предлагала свои услуги разным греческим городам, включая Афины⁷.

В рассказе о Диотиме Сократ несколько раз указывает на то, что неоднократно с ней встречался и многому у нее научился. Обращаясь к мантинейке, он говорит: «Если бы я мог (пояснить то, о чем спрашивает Диотима. — А. С.), <...> я не восхищался бы твоей мудростью и не ходил к тебе, чтобы всё это узнать» (Plato. *Symp.* 206b). А в другом месте философ признается: «Но ведь я же, как я только что сказал, потому и хожу к тебе, Диотима, что мне нужен учитель (διδασκάλων δέομαι)» (207c)⁸. Мудрая мантинейка обучает своего ученика познанию ἐρωτικά, используя типичную сократовскую технику беседы: вопросы и ответы, вызывающие апорию⁹.

⁶ См. в «Платоновском лексиконе» Фридриха Аста: Astius 1836, 403, s. v. ξένος et ξένη — *peregrinus, externus*; здесь «ἡ ξένη — Diotima».

⁷ Layne 2024, 276: “a traveling priestess wandering from city to city”. Даниэлла Лейн отождествляет Диотиму с Фенаретой, матерью Сократа, которая была повитухой, “in Athens she is still a widowed foreigner and one who works outside the home as a priestly traveling midwife, a kind of matchmaker and druggist <...> Phaenarete/Diotima, the wandering sophist priestess, inspires/initiates Socrates into the tradition of the philosophical hunt, teaching him the art of giving birth to the beautiful in the beautiful” (Layne 2024, 280).

⁸ Платон 1993b, 116, 118.

⁹ О «теологии» и «Eros-Theorie» Диотимы Мантинейской, композиции этого рассказа Сократа в «Пире» Платона см. в монографии Курта Сира «Речь Диотимы: Исследования платоновского *Симпозию*»: Sier 1997 (в книге даны подробные комментарии к *Symp.* 201d1–212c3).

В стихотворении «А то, что говорила чужестранка...» А. С. Кушнер называет платоновский «Пир» (стрк. 11), упоминает об основной теме этого диалога, однако имя наставницы Сократа не указывает. При этом поэт обращает внимание на *внешность* женщины. Но у Платона говорится только о *внутренних* качествах человека, о его сознательно-духовной эротической эволюции, о пути-в-любви и порождении.

Вот каким путем нужно идти в любви — самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх — от одного прекрасного тела к двум, от двух — ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это — прекрасное. И в созерцании прекрасного самого по себе, дорогой Сократ, — продолжала мантинеянка, — только и может жить человек, его увидевший (Plato. *Symp.* 211c–d)¹⁰.

Передавая свой разговор с Диотимой, Сократ рассуждает о стремлении к духовному постижению красоты в любви, о пути к созерцанию *αὐτὸ τὸ καλόν* («само по себе прекрасное»). В «Пире» Платона речь не идет о форме (взгляде, волосах, осанке, одеянии), напротив, мантинеянка, которой внемлет философ, поучает: «Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-то лица, рук или иной части тела...» (211a), и тот восторг, что испытывает узревший *αὐτὸ τὸ (θεῖον) καλόν*, несравним ни с какими оче-видными (созерцаемыми физическим зрением) красотами, «ни со златотканой одеждой, ни с красивыми мальчиками и юношами» (211d).

Однако А. С. Кушнер акцентирует внимание на том, что «*лишь* осанка / Ее (пестуны Сократа. — А. С.) была отрадою для глаз». Неужели только внешность героини платоновского диалога привлекает внимание? Осанка наставницы была отрадой для глаз Сократа? — Вовсе нет! Здесь имеется ввиду лирический герой (=автор стихотворения), воображающий облик иноземки, и, конечно, умозрящий читатель, оптику которого автор настраивает таким способом. Платона, как и его героя Сократа, не интересуют внешние данные Диотимы, поэтому у древнегреческого философа ничего об этом не сказано. А вот русский поэт, оттолкнувшись от античного текста о сущности *ἐρωτικά* и пути к постижению оной сущности, сосредотачивается именно на виде, наружности, т. е. *εἶδος*. Возможно, читая этот платоновский диалог, А. С. Кушнер представлял героиню из одноименного телефильма Марко Феррери

¹⁰ Платон 1993b, 121–122.

(*Le Banquet*, Италия–Франция, 1989), где роль мудрой наставницы Сократа исполнила прославленная греческая актриса театра и кино Ирен Папас (Ирини Папа, 1929–2022). Ее выразительные глаза, брови, ресницы, губы, волосы, осанка, одяние и прочие внешние детали образа — все это, действительно, является «отрадою для глаз» зрителя кинокартины М. Феррери. И, глядя на прекрасный облик Диотимы-Папас, можно «прийти в азарт от рук ее и кос» (как пишет о женщине А. С. Кушнер, стрк. 8). Впрочем, эта отсылка к фильму по мотивам древнегреческого «Пира» — лишь мои домыслы, попытка объяснить «визуальное» восприятие поэтом очаровательной (*sic!*) иноземки из платоновского диалога. Откуда А. С. Кушнер их взял для образа наставницы Сократа — остается лишь гадать, но, как становится ясно далее, вполне объяснимо, зачем он здесь концентрирует внимание на внешних данных.

Это еще одно философическое стихотворение А. С. Кушнера¹¹, в котором не просто делается отсылка к платоновским сочинениям, но поэт вступает в спор с древнегреческим философом, возражает первоакадемику. Он признается, что *перечитал* «Пир» (стрк. 11), и что «на этот раз» перечитанное его «не вдохновило» (стркк. 2–3). Значит, при предыдущем прочтении (или прочтениях?) «Пира» содержание этого диалога вызывало в поэте иные чувства, и прежде он был согласен с эротической теорией Диотимы (Сократа=Платона)? А теперь лишь внешность жрицы восхитила Кушнера как читателя Платона (*sic!*).

Главный мотив первой части стихотворения можно выразить евангельской фразой: нет пророка в своем отечестве (Мф. 4:24). Начиная с указания на то, что Сократ внемлет «чужестранке», поэт поясняет: «Свою бы (предсказательницу. — А. С.) мы не приняли всерьез» (стрк. 6). Для чего эта «оговорка» об иноземной пророчице в целую строфу, что является отступлением от темы «Пира»? Поэт считает, что *мы* прислушиваемся только к мнению чужаков, а те же самые слова из уст отечественных пророков вызывают у нас недоверие, отторжение или просто улыбку (*своих* всерьез не воспринимаем). Так что привлекают *нас* не сами высказанные идеи, но фигура того, кто их произносит. И далее А. С. Кушнер поясняет, что потому-то и нравится рассказчица, что она иноземка: даже не внешний вид мантинейки, а осознание того, что она — «дама заграничная», приводит в восторг, понимание этого,

---

¹¹ За последние три десятилетия написано немало работ о философской лирике А. С. Кушнера, см. Пэн 1992; Weschmann 1997; Арьев 2000, 85–186; Алешка 2002; Кудрявцева 2004; Пьяных 2005; Калининков 2010 (о Кушнере и И. Канте); Суханова, Цыпилёва 2014; Поддубко 2014; 2015; Ячник 2015; Иванова 2016; 2017; Фетисова 2017 (о «шестидесятнике»-стойке Кушнере); Кулагин 2017; 2020; Смирнова, Прокофьева 2023.

как пишет поэт, вводит «в азарт», возбуждает. О Диотиме Сократ говорит как о «женщине очень сведущей» в искусстве ἐρωτικά и во многом другом, однако наш поэт ее теорию не воспринимает.

Центральной является третья строфа стихотворения (стркк. 9–12), где речь идет о страсти и благе, пыле и уме в диалоге «Пир»:

И что она о страсти говорила
И благом называла, — почему?
Я «Пир» перечитал. В нем меньше пыла,
Чем длинной апелляции к уму.

В русском переводе слова «благо» и plur. «блага» (τὸ ἀγαθόν, τὰ ἀγαθὰ) встречаются десятки раз в речах персонажей «Пира». И свыше 10 раз слово «благо» Платон употребляет в описании диалога Сократа с Диотимой, особенно в начале их разговора, когда собеседники договариваются о предмете обсуждения. Наставница спрашивает своего воспитанника: «Ну, а если заменить слово “прекрасное” словом “благо” (ἀντὶ τοῦ καλοῦ τῷ ἀγαθῷ) и спросить тебя: “Скажи, Сократ, чего хочет тот, кто любит благо (τῶν ἀγαθῶν)?” (Plato. *Συμπ.* 204e), и далее Диотима соглашается со своим собеседником: «Правильно, счастливые счастливы потому, что обладают благом (ἀγαθῶν)» (205a)¹² (в оригинальном тексте в обоих случаях слово “благо” указано во множественном числе). Сопряжение любви, красоты и блага — одна из главных тем «Пира»¹³. Многократно в речах персонажей диалога встречаются слова «страсть», «вожделение» (ἐπιθυμία, ἡδονή). Но всё то, «что она (Диотима. — А. С.) о страсти говорила» (стрк. 9), связано не с похотью, а с желанием деторождения¹⁴.

В чем, по-твоему, Сократ, причина этой любви и этого вождения (τούτου τοῦ ἔρωτος καὶ τῆς ἐπιθυμίας)? Не замечал ли ты, в сколь необыкновенном состоянии бывают все животные, и наземные и пернатые, когда они охвачены страстью деторождения? Они пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда кормят детенышей, ради которых они готовы... сносить все, что угодно (Plato. *Συμπ.* 207a–b)¹⁵.

¹² Платон 1993b: 115.

¹³ Например, герой «Пира» Федр в своем хвалебном слове называет Эроты «первосточником величайших благ для нас» (μεγίστων ἀγαθῶν ἡμῖν αἰτίος ἐστίν, 178c).

¹⁴ См. Laune 2024, 279–280.

¹⁵ Платон 1993b, 117.

Диотима учит тому, что любовь — это «стремление родить и произвести на свет в прекрасном» (206e), она есть «стремление к бессмертию» (207a). Говоря о любви как добродетели, наставница Сократа говорит о людях, которые беременны духовно:

кто смолоду вынашивает эти качества, храня чистоту и с наступлением возмужалости, но испытывает *страстное желание родить*, тот, я думаю, тоже ищет везде прекрасное, в котором он мог бы разрешиться от бремени, ибо в безобразном он ни за что не родит (209b)¹⁶.

Теперь по поводу *пыла*, который поэт не почувствовал в «Пире».

Но прежде надо сказать о русском переводе этого диалога. Слово «пыл» встречается в стихотворении А. С. Кушнера (стрк. 7) в значении душевных страстей, поскольку противопоставляется «уму» — рассудочному, теоретическому и... холодному (антоним словам «горячий, пылкий»). Совершенно ясно, что поэт читал диалоги Платона в четырехтомном издании, вышедшем в серии «Философское наследие»¹⁷. В том же втором томе собрания сочинений Платона (1993), где помещен диалог «Пир», диалог «Парменид» завершает этот небольшой том (в сравнении с тремя остальными томами этого издания). Как и «Пир», это «пересказанный» диалог Платона: некий Кефал рассказывает своим друзьям о беседе, произошедшей когда-то давно. У А. С. Кушнера есть стихотворение «Парменид», написанное по мотивам одноименного платоновского диалога. Впервые оно было опубликовано в поэтическом цикле «На вашей стороне» в том же номере журнала «Знамя», что и стихотворение «по мотивам» диалога «Пир». В кушнеровском «Пармениде» задействованы те же персонажи, что и в диалоге Платона: пожилой Парменид и юноша по имени Аристотель, беседующие друг с другом (Plato. *Parm.* 137e–166c). Парменид — знаменитый философ, приехавший в Афины из Элеи вместе с философом Зеноном, а юный Аристотель влюблен в философию и диалектику (по-видимому, тот самый человек, который станет государственным деятелем в Афинах в последней трети V в. до н. э.). В «Пармениде» Платона присутствует и Сократ, тогда еще совсем молодой человек. Он беседует с Зеноном Элейским (Plato. *Parm.* 126c, 127c–136e). Но русский поэт не упоминает его в своем сочинении, сосредоточившись на теме разговора Парменида и Аристотеля о едином-беспредельном. Стихотворение А. С. Кушнера «Парменид» также написано в диалогической форме — маленькая философическая драма по мотивам Платона. Именно по мотивам, так как в этом

¹⁶ Платон 1993b, 119.

¹⁷ Платон 1968–1972 (Т. 1–3[ч. 1–2]) или переиздание в 4-х томах: Платон 1990–1994.

кушнеровском стихотворении встречаются не только отсылки к «Пармениду», но и прямые цитаты из первоисточника. Вот, например, начало стихотворения:

Парменид: Если нет у него ни конца, ни начала,
значит, то, что зовётся единым, и впрямь беспредельно.
Аристотель: Воистину так, и не скажешь, что мало.
Парменид: И не прямо, не кругло, — едино и цельно,
не имеет частей.
Аристотель: Какие уж части?
Парменид: И не может нигде находиться, ни в нас, ни снаружи.
Аристотель: Скажи, почему?
Парменид: В нашей власти
только то, что конечно. А то, что снаружи — тем хуже:
непременно бы вписано было в окружность особым
способом.
Аристотель: Конечно. Теперь понимаю.

Этот фрагмент стихотворения-диалога повторяет (почти) полностью перевод Н. Н. Томасова платоновского «Парменида» 137d–e¹⁸. В переложённом в стихотворный размер пассаже (как и в целом в этом диалоге) — всё сплошь «апелляция к уму». «Парменид» считается образчиком платоновской диалектики и логики. В конце стихотворения А. С. Кушнер как бы прерывает пересказ «заумной» беседы Парменида с Аристотелем и восклицает:

И так далее... Господи, как надоели мне оба!
Представляю, как я бы томился, присутствуя с краю
разговора, в тени.

Поэт сожалеет о том, что «взял почитать диалоги (Платона. — А. С.) на дачу». Этим чтением он испортил свой отдых! В стихотворении «Парменид» А. С. Кушнер указывает имена редакторов этого платоновского четырехтомника: «Ах, напрасно я взял почитать диалоги на дачу. / Тахо-Годи пускай их читает, и Асмус, и Лосев». Эта ирония поэта является авторской «ссылкой» на конкретное издание, которое он перечитывал у себя на даче. Здесь А. С. Кушнер пишет, что не смог дочитать диалог Платона, что «завяз» и признается: «Диалоги / Кто-нибудь дочитал до конца? Лишь в плену, поневоле».

---

¹⁸ Ср. фрагмент русского перевода диалога: Платон 1993а, 360–361.

А в последней строке своего «Парменида» поэт говорит, что освобождает себя из «плена»: «Не дочитаю. Ведь сердце свободно!»

Автором русского перевода «Пира» во втором томе Платона является С. К. Апт. И слово «пыл» в русском «Пире» встречается единственный раз в речи Диотимы, когда она говорит о любви и благе, обращаясь к Сократу: «Ну, а если любовь — это всегда любовь к благу, то скажи мне, каким образом должны поступать те, кто к нему стремится, чтобы их *пыл* и *рвение* можно было назвать любовью (*ἡ σπουδή* καὶ ἡ σύντασις ἔρωσ ἀν καλοῖτο)? Что они должны делать, ты можешь сказать?» (206b)¹⁹. Древнегреческое слово *σπουδή*, которое имеет значения «усердие, старание, стремление, рвение»²⁰, русский переводчик «Пира» передает здесь (в поучении Диотимы) словом «пыл». А. С. Кушнер включает слово «пыл» в свое философское «антиплатоновское» стихотворение на тему прочитанного и не взволновавшего его «Пира».

А. С. Кушнер считает, что в «Пире» Платона «меньше пыла, / Чем длинной апелляции к уму». Но, пожалуй, именно в «Пире» больше всего «пыла», нежели в других платоновских диалогах. «Апелляция к уму» противопоставляется поэтом чувственности и страсти. В этом диалоге присутствуют сразу два поэта-драматурга, причем представители разных видов драматической поэзии: трагедии — это Агафон, в доме которого происходит симпозиум, и комедии — поэт Аристофан, в уста которого Платон здесь влагает знаменитый рассказ об андрогидах (Plato, *Symp.* 189c–193e). Платон показывает комедиографа верным служителем музы Талии, который не боится показаться смешным, ведя философские беседы за одним столом с Сократом. На замечание Эриксимаха не острословить и не зубоскалить, Аристофан отвечает со смехом, вполне по-сократовски: «не того боюсь я, что скажу что-нибудь смешное, — это было бы мне на руку и вполне в духе моей Музы, — а того, что стану посмешищем» (189b)²¹. Аристофановская притча о двух половинах человека — один из самых известных платоновских мифов²². Герой «Пира», служитель Талии, рассказывает, что «каждый из нас — это половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет

¹⁹ Платон 1993b, 116.

²⁰ Ср. Astius 1838, 269–270, s. v. *σπουδή*.

²¹ Платон 1993b, 97.

²² Наряду с мифом об Атлантиде, изложенном в диалогах «Тимей» и «Критий», мифами о пещере и загробных воздаяниях в «Государстве», мифами в «Федоне», «Политике» и других диалогах. Платон как мыслитель и художник был непревзойденным неомифологом из всех античных философов.

всегда соответствующую ему половину» (191d)²³, и подводит итог: «любовью называется жажда целостности и стремление к ней» (193a)²⁴.

Эрот и теперь приносит величайшую пользу, направляя нас к тому, кто близок нам и сродни, он сулит нам, если только мы будем чтить богов, прекрасное будущее, ибо тогда сделает нас счастливыми и блаженными, исцелив и вернув нас к нашей изначальной природе (193d)²⁵.

Платоновский «Пир» — это драма с прологом и эпилогом. Повествование ведется от имени одного из последователей Сократа, Аполлодора Фалерского. Рассказчик передает живую застольную беседу, которая произошла много лет назад. Взаимодополняющие λόγοι περὶ Ἔρωτος симпозиастов включают несколько мифов. Пылкая речь Аристофана во славу Эрота, как и речи Федра, Эриксимаха, Агафона, Сократа, показывают, что в «Пире» не только представлен разговор о страсти, но присутствует и сама *страсть разговора*. Собеседники увлеченно и увлекательно рассуждают о красоте и благе, о величии и совершенствах гения любви Эрота, о философии-как-любви²⁶. Первые речи-тосты во славу Эрота и Афродиты подготавливают Сократовы суждения. Как рассказывает Сократ (в пересказе Аполлодора своему приятелю Главкону), Диотима излагает миф о союзе Пороса с Пенией и рождении Эрота (Plato, *Сутр.* 203b–e), который δαίμων μέγας (великое божество) и «по самой своей природе любит красивое» (203c), поскольку «находится посредине между мудростью и невежеством» (204a). Диотима говорит о продуктивной потенции любви, связывая эротику с ποιήσις — с творчеством, которое является «переходом из небытия в бытие», а люди, которые заняты созданием произведений искусства и ремесла, называются «творцами» (ποιηταί) (см. 205b–c). И в этом заключается та «поэтика правды» Сократа, о которой он заявляет перед тем, как произнести похвальное слово богу любви (199b)²⁷.

Мифопоэтические истолкования аттическим комедиографом Аристофаном и мантинейской жрицей Диотимой сущности Эрота и эротики — образны, яркие, красивы и глубоки. Любовь — это стремление человека к утраченной им цельности; это путь к постижению прекрасного и путь к

²³ Платон 1993b, 100.

²⁴ Платон 1993b, 101.

²⁵ Платон 1993b, 102.

²⁶ См. Schindler 2007.

²⁷ Обращаясь к Федру, философ говорит о своей речи, что в ней «будет высказана правда об Эроте» (περὶ Ἔρωτος τὰ ληθῆ λεγόμενα). Ср.: Männlein-Robert 2016, 202 (здесь о «Poetik der Wahrheit» в платоновском «Пире»).

бессмертию. Еще раз отмечу: «Пир» — самый страстный и пылкий диалог Платона²⁸.

О Сократе в платоновском «Пире» и признании в разочарованности от повторного чтения диалога говорится в первой части стихотворения А. С. Кушнера «А то, что говорила чужестранка...» — она составляет первые три строфы. На этом заканчиваются отсылки к платоновскому «Пиру». Три следующие строфы — о разоблачении «формулы Диотимы». Почему же поэт разочаровался в «Пире» и не оценил речь мудрой иноземки о страсти и благе? Потому что данная речь, как и весь диалог в целом, показались ему бесстрастными, пространными и заумными: «В нем (платоновском “Пире”. — А. С.) *меньше пыла, / Чем длинной апелляции к уму*» (стркк. 11–12). Он считает, что «формула любви», предложенная Диотимой, — чересчур теоретична, утопична, идеальна, а поэтому оторвана от жизни. Ибо в реальной жизни всё иначе. И три последних строфы стихотворения — опровержение платоновско-сократовского понимания *έρωτικῆς*. Здесь нивелируется метафизическая направленность речи Диотимы.

После первых трех строф, где автор делится своими впечатлениями от нового прочтения «заумно-длинного» платоновского диалога, следует своеобразная «перипетия». Четвертая строфа стихотворения начинается с описания бытового случая: лирический герой (=автор) налетел впотьмах на спинку стула и ударился об угол стола. Происходит смена интонации в стихотворении. Здесь я замечу о таком элементе лирики А. С. Кушнера, как ирония, которая является специфическим приемом его авторского стиля²⁹ (свойственная и манере беседы Сократа). Исследователи лирики А. С. Кушнера уже не

---

²⁸ Кстати, «пылкость» диалога Сократа и мантинейской жрицы эффектно передана в «Пире» М. Феррери, который я уже упоминал. В фильме их разговор происходит в пещере (!) и занимает чуть больше 11 минут, а в целом рассказ Сократа об этой беседе составляет 12 с половиной минут фильмического времени (*Le Banquet*, 00:46:18–00:58:48). Это кульминационная сцена «Пира» Феррери. В основном сцена в пещере — это страстный монолог Диотимы, и камера показывает лицо актрисы или показывает отдельно ее выразительные глаза и брови, рот. Крупные планы лиц персонажей сопровождают всплывающие кадры: извержения вулканов, потоки лавы, пылающие огни, появляются молодые пары, беременная женщина, к которой прикасается Сократ, кадры записи ультразвукового исследования плода, движущегося в утробе матери, и прочие образы, которые накладываются на речь мудрой наставницы Сократа. Все это усиливает впечатление от монолога Диотимы об Эроте-философе и о восхождении человека через любовь к познанию истиной красоты.

²⁹ Об игре и иронии в поэзии А. С. Кушнера см., например: Вытушняк 2011.

раз отмечали, что мир его поэзии наполнен вещами, что автор часто акцентирует внимание на, казалось бы, совершенно бытовых мелочах³⁰, которые задействованы в его произведениях и играют свои роли. Этим столкновением в темное время со стулом и столом в своей комнате поэт как бы пытается свести «с небес на землю» темы λόγοι περὶ Ἔρως, которые составляют «Пир» Платона. Он не только «приземляет», но и осовременивает проблему: появляется «стальное дуло [пистолета]... у виска» (стрк. 18). Автор стихотворения обращается к платоновской чужеземке, речь которой была лишь «длинной апелляцией к уму» и поэтому его не вдохновила. Эту женщину поэт представляет слишком суровой, холодной, бесстрастной («Хотя бы раз рукой слезу смахнула!»), а ее теорию — сугубо абстрактной игрой ума. По мнению А. С. Кушнера, платоновское толкование любви — слишком уж философично, и тому, кто был обманут в любви и страдал, все эти рассуждения не способны помочь. Поэт приводит пример с попыткой самоубийства, надо полагать, из-за случившейся измены (намек на это есть в конце предыдущей строфы: «Обманутой ни разу не была?», стрк. 16).

Подобно тому, как поэт пытается освободиться из «плена» платоновского «Парменида», он отстраняется от теории любви, изложенной Диотимой (Сократом=Платоном), поскольку она не действенна. В последней, шестой, строфе А. С. Кушнер констатирует, что вообще нет и не может быть никакой формулы любви («Нет формулы. И мел крошить не надо»). Самоубийство, — как один из выходов неразделенной любви, тем паче измены, — о котором здесь говорит поэт, это не только убийство себя, но, с платоновской позиции, является покушением на всё то, что может породить человек — бесконечное число миров. У Платона говорится о бессмертии, о продолжении жизни — физическом и духовном (в творчестве), а А. С. Кушнер использует пример физической смерти. «Формула Диотимы» относится не к страстям человеческим, а говорит о познании и вечной жизни, о философии как любви к прекрасному, в чем Эрот выступает посредником.

Платоновский «Пир» стал для А. С. Кушнера поводом для того, чтобы высказать свое мнение о «формуле любви», вернее, о невозможности вывести такую формулу. И при всякой попытке составить такую формулу, необходимым условием является выведение «за скобки» нас самих. Стихотворение современного философствующего поэта «А то, что говорила чужестранка...» стало опытом художественного прочтения-истолкования одного из самых

---

³⁰ См. Алешка 2002. О категориях «вещности» и «вечности» в лирической системе А. С. Кушнера см. в работе: Иванова 2016 (со ссылками на предшествующую литературу).

эротичных диалогов античной классики. Признание автора, перечитавшего «Пир» в том, что разговор «чужестранки» с Сократом его не вдохновил — это, скажем так, лирический обман. Поскольку, надо понимать, что как раз новое прочтение диалога Платона вызвало в поэте возражение, что и вдохновило его на написание этого стихотворения «по мотивам» платоновского «Пира».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алешка, Т. В. (2002) «Вещный мир поэзии А. Кушнера», *Научные труды кафедры русской литературы Белорусского государственного университета* 1, 3–9.
- Арьев, А. Ю. (2000) *Царская ветка*. СПб.
- Вытушняк, А. Н. (2011) «Игра как проявление акмеистической иронии в лирике А. С. Кушнера», *Мир русского слова* 1, 84–88.
- Галанин, Р. Б. (2022) «Теология Сократа: бог Эрот», *Платоновские исследования* 17/2, 28–50.
- Гончарко, О. Ю. (2021) «Диотима Мантинейская: к вопросу об историческом существовании и философском наследии», *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 22/2, 74–82.
- Иванова, В. И. (2016) ««Вечность» и «вещность» в сборнике А. Кушнера «Ночной дозор»,» *Уральский филологический вестник* 5, 149–155.
- Иванова, В. И. (2017) «Мотив материализации души в ранней лирике Александра Кушнера», *Уральский филологический вестник* 5, 44–50.
- Калинников, Л. А. (2010) «Вопросы поэта А. С. Кушнера к философу И. Канту о проблемах потусторонних», *Кантовский сборник* 3, 33–51.
- Кудрявцева, И. А. (2004) *Поэт и процесс творчества в художественном сознании А. Кушнера. Дис. ... канд. филолог. наук*. Череповец.
- Кулагин, А. В. (2017) *Кушнер и русские классики*. Коломна.
- Кулагин, А. В. (2020) *Поэтический Петербург Александра Кушнера. Изд. 2-е, испр. и доп.* Коломна.
- Нейлз, Д. (2019) *Люди Платона. Просопография Платона и других сократиков* / пер. с англ. А. В. Белоусова и др.; под общ. ред. А. И. Золотухиной; науч. ред. О. В. Алиева. М.
- Платон (1968–1972) *Собрание сочинений в 4 т.* М.
- Платон (1990–1994) *Собрание сочинений в 4 т.* М.
- Платон (1993a) «Парменид», Пер. Н. Н. Томасова, in А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, А. А. Тахо-Годи (ред.) *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.*, 346–412.
- Платон (1993b) «Пир», Пер. С. К. Апта, in А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, А. А. Тахо-Годи (ред.) *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.*, 81–134.
- Поддубко, Ю. В. (2014) «Категория вечности в поэтическом сознании А. Кушнера», *Русская филология* 3, 63–68.

- Поддубко, Ю. В. (2015) *Мотивно-образная система лирики А. Кушнера: Дис. ... канд. филолог. наук.* Харьков.
- Пьяных, М. Ф. (2005) "Кушнер Александр Сергеевич," *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь в 3 томах.* М., Т. 2, 389–392.
- Пэн, Д. Б. (1992) *Мир в поэзии А. Кушнера.* Ростов-на-Дону.
- Смирнова, П. О., Прокофьева, И. О. (2023) "Предметный мир в поэзии Александра Кушнера," *Молодой ученый* 49, 491–493. URL: <https://moluch.ru/archive/496/108659> (дата обращения: 15.05.2024).
- Суханова, С. Ю., Цыпилёва, П. А. (2014) "Функции античного претекста в лирике А. Кушера," *Вестник Томского государственного университета. Филология* 2, 126–141.
- Фетисова, Е. Э. (2017) "Философия и романтическая эстетика «шестидесятников»: стоицизм А. Кушнера," *Философия и культура* 2, 151–161. URL: <file:///D:/Downloads/filosofiya-i-romanticheskaya-estetika-shestidesyatnikov-stoitsizm-a-kushnera.pdf> (дата обращения: 17.05.2024).
- Ячник, Л. Н. (2015) *Интертекстуальность и русская поэтическая традиция в творчестве Александра Кушнера: Дисс. ... канд. филолог. наук.* Киев.
- Addey, C. (2022) "Diotima, Sosipatra and Hypatia: Methodological Reflections on the Study of Female Philosophers in the Platonic Tradition," in J. Schultz, J. Wilberding (eds.) *Women and the Female in Neoplatonism.* Leiden, 9–40.
- Addey, C. (2024) "The Reception of Diotima in Later Platonism: Clea, Sosipatra and Asclepigeneia," in S. Brill, C. McKeen (eds.) *The Routledge Handbook of Women and Ancient Greek Philosophy.* New York, 461–481.
- Astius, F. (1836) *Lexicon Platonicum, sive vocum Platoniarum.* Vol. II. Lipsiae.
- Astius, F. (1838) *Lexicon Platonicum, sive vocum Platoniarum. Index.* Vol. III. Lipsiae.
- Brisson, L. (2006) "Agathon, Pausanias, and Diotima in Plato's *Symposium*: Paiderastia and Philosophia," in J. Lesher et al. (eds.) *Plato's Symposium. Issues in Interpretation and Reception.* Washington, 229–251.
- De Luise, F. (2012) "Il sapere di Diotima e la coscienza di Socrate. Note sul ritratto del filosofo da giovane," in A. Borges de Araújo Jr e G. Cornelli (a cura di) *Il Simposio di Platone: un banchetto di interpretazioni.* Napoli, 115–138.
- Evans, N. (2006) "Diotima and Demeter as Mystagogues in Plato's *Symposium*," *Hypatia* 21/2, 1–27.
- Ferreri, F. (2012) "Eros, paideia e filosofia: Sócrates antre Diotima e Alcibiades," *Arcai: Revista de Estudos Sobre as Origens Do Pensamento Ocidental* 9, 65–71.
- Frede, D. (1993) "Out of the Cave: What Socrates Learned from Diotima," in R. M. Rosen, J. Farrell (eds.) *Nomodeiktes: Greek Studies in Honor of Martin Ostwald.* Ann Arbor, 397–422.
- Halperin, D. M. (1990) "Why Is Diotima a Woman? Platonic Erōs and the Figuration of Gender," in D. M. Halperin, J. J. Winkler, F. I. Zeitlin (eds.) *Before Sexuality: The Construction of Erotic Experience in the Ancient Greek World.* Princeton, 257–308.

- Irigaray, L. (1994) "Sorcerer Love: A Reading of Plato's *Symposium*, Diotima's Speech," in N. Tuana (ed.) *Feminist Interpretations of Plato*, University Park, 181–195.
- Keime, C. (2014) "La fonction de Diotime dans le *Banquet* de Platon (201d1–212c3): le dialogue et son double," *Études Platoniciennes* 11. URL: <http://journals.openedition.org/etudesplatoniciennes/535> (дата обращения: 14.05.2024).
- Keime, C. (2016) "The Role of Diotima in the *Symposium*: The Dialogue and Its Double," in G. Cornelli (ed.) *Plato's Style and Characters: Between Literature and Philosophy*. Berlin; Boston, 379–400.
- Kranz, W. (1926) "Diotima von Mantinea," *Hermes: Zeitschrift für klassische Philologie* 61/4, 437–447.
- Layne, D. A. (2024) "Divine Names and the Mystery of Diotima," in S. Brill, C. McKeen (eds.) *The Routledge Handbook of Women and Ancient Greek Philosophy*. New York, 267–283.
- Levin, S. B. (1975) "Diotima's Visit and Service to Athens," *Grazer Beiträge* 4, 223–240.
- Männlein-Robert, I. (2016) "Die Poetik des Philosophen: Sokrates und die Rede des Agathon," in M. Tulli, M. Erler (eds.) *Plato in Symposium. Selected Papers from the Tenth Symposium Platonicum*. St. Augustin, 198–203.
- Miller, P. A. (2024) "Sarah Kofman: Socratic Lover," in S. Brill, C. McKeen (eds.) *The Routledge Handbook of Women and Ancient Greek Philosophy*. New York, 569–582.
- Nails, D. (2002) *The People of Plato: A Prosopography of Plato and other Socratics*. Indianapolis.
- Nails, D. (2016) "Five Platonic Characters," in G. Cornelli (ed.) *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy*. Berlin; Boston, 297–315.
- Neumann, H. (1965) "Diotima's Concept of Love," *American Journal of Philology* 86/1, 33–59.
- Nye, A. (1989) "The hidden host: Irigaray and Diotima at Plato's *Symposium*," *Hypatia* 3/3, 41–61.
- Nye, A. (1990) "The subject of love: Diotima and her critics," *The Journal of Value Inquiry* 24, 135–153.
- Nye, A. (1994) "The Hidden Host: Irigaray and Diotima at Plato's *Symposium*," in N. Tuana (ed.), *Feminist Interpretations of Plato*, University Park, 197–216.
- Nye, A. (2015) *Socrates and Diotima: Sexuality, Religion, and the Nature of Divinity*, New York.
- Ortega, M., Layne, D. A. (2024) "Eros, the Elusive? A Dialogue on Plato's Symposium, Diotima and Women in Ancient Philosophy," in S. Brill, C. McKeen (eds.) *The Routledge Handbook of Women and Ancient Greek Philosophy*. New York, 599–609.
- Rabassó, G. (2021) "Erotics as a Branch of Philosophy: The Legacy of Diotima of Mantinea," *Ethics, Politics & Society: A Journal in Moral and Political Philosophy* 4, 87–99.
- Rowe, C. J. (1999) "Socrates and Diotima: Eros, Immortality, and Creativity," in J. J. Cleary, G. M. Gurtler (eds.) *Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy*. Leiden; Boston; Köln, 239–259.
- Saxonhouse, A. (1984) "Eros and the Female in Greek Political Thought: An Interpretation of Plato's *Symposium*," *Political Theory* 12/1, 5–27.

- Schindler, D. C. (2007) "Plato and the Problem of Love: On the Nature of Eros in the Symposium," *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science* 40/3, 199–220.
- Sier, K. (1997) *Die Rede der Diotima. Untersuchungen zum platonischen Symposium*. Stuttgart; Leipzig.
- Waithe, M. E. (1987) "Diotima of Mantinea," in M. E. Waithe (ed.) *A History of Women Philosophers. Vol. 1: Ancient Women Philosophers, 600 B. C.–500 A. D.* Dordrecht; Boston; Lancaster, 83–116.
- Wersinger, A.-G. (2012) "La voix d'une 'savant': Diotime de Mantinée dans le *Banquet* de Platon (201d–212b)," *Cahiers "Mondes anciens"* 3. URL: <http://journals.openedition.org/mondesanciens/816>.
- Wersinger, A.-G. (2013) "Diotima and *kuësis* in the Light of the Myths of the God's Annexation of Pregnancy," *Proceedings of the X Symposium Platonicum: "The Symposium"*, *Pisa, 15–20 July 2013*, 134–140.
- Weschmann, L. M. (1997) *Die Funktionen des Bildes und die Entwicklung des Bildsystems im Werk des russischen modernistischen Dichters A. S. Kušner*. Münster.
- Wippem, J. (1965) "Eros und Unsterblichkeit in der Diotima-Rede des *Symposiums*," in H. Flashar, K. Gaiser (hrsg.) *Synusia. Festgabe für Wolfgang Schadewalt*. Pfullingen, 123–129.

References in Russian:

- Aleshka, T. V. (2002) "Veshchnyy mir poezii A. Kushnera," *Nauchnye trudy kafedry russkoy literatury Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* 1, 3–9.
- Ar'ev, A. Yu (2000) *Tsarskaya vetka*. St Petersburg.
- Vytushnyak, A. N. (2011) "Igra kak proyavlenie akmeisticheskoy ironii v lirike A. S. Kushnera," *Mir russkogo slova* 1, 84–88.
- Galanin, R. B. (2022) "Teologiya Sokrata: bog Erot," *Platonovskie issledovaniya* 17. 2, 28–50.
- Goncharko, O. Yu. (2021) "Diotima Mantineyskaya: k voprosu ob istoricheskom sushchestvovanii i filosofskom nasledii," *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* 22/2, 74–82.
- Ivanova, V. I. (2016) "«Vechnost'» i «veshchnost'» v sbornike A. Kushnera «Nochnoy dozor»," *Ural'skiy filologicheskiy vestnik* 5, 149–155.
- Ivanova, V. I. (2017) "Motiv materializatsii dushi v ranney lirike Alexandra Kushnera," *Ural'skiy filologicheskiy vestnik* 5, 44–50.
- Kalinnikov, L. A. (2010) "Voprosy poeta A. S. Kushnera k filosofu I. Kantu o problemakh potustoronnikh," *Kantovskiy sbornik* 3, 33–51.
- Kudryavtseva, I. A. (2004) *Poet i protses tvorchestva v khudozhestvennom soznanii A. Kushnera. Diss. ... kand. filolog. nauk*. Cherepovets.
- Kulagin, A. V. (2017) *Kushner i russkie klassiki*. Kolomna.
- Kulagin, A. V. (2020) *Poeticheskiy Peterburg Alexandra Kushnera. Izd. 2, ispr. i dop.* Kolomna.
- Neylz, D. (2019) *Lyudi Platona. Prosopografiya Platona i drugikh sokratikov*. Perv. s angl. A. V. Belousova i dr.; pod obshch. red. A. I. Zolotukhinoy. Moscow.
- Platon (1968–1972) *Sobranie sochineniy v 4 t.* Moscow.
- Platon (1990–1994) *Sobranie sochineniy v 4 t.* Moscow.
- Platon (1993a) "Parmenid," perv. N. N. Tomasov, in A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi (red.) *Platon. Sobranie sochineniy v 4 t. T. 2.* Moscow, 346–412.
- Platon (1993b) "Pir," perv. S. K. Apt, in *Platon. Sobranie sochineniy v 4 t. T. 2.* Moscow, 81–134.

- Poddubko, Yu. V. (2014) "Kategoriya vechnosti v poeticheskom soznanii A. Kushnera," *Russkaya filologiya* 3, 63–68.
- Poddubko, Yu. V. (2015) *Motivno-obraznaya sistema liriki A. Kushnera: Diss. ... kand. filolog. nauk.* Kharkov.
- Pyanykh, M. F. (2005) "Kushner Alexander Sergeevich," *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskiy slovar' v 3 tomakh.* Moscow, T. 2, 389–392.
- Pen, D. B. (1992) *Mir v poezii A. Kushnera.* Rostov-na-Donu.
- Smirnova, P. O., Prokofiev, I. O. (2023) "Predmetnyy mir v poezii Alexandra Kushnera," *Molodoy uchenyy* 49, 491–493. URL: <https://moluch.ru/archive/496/108659> (дата обращения: 15.05.2024).
- Sukhanova, S. Yu., Tsypleva, P. A. (2014) "Funktsii antichnogo preteksta v lirike A. Kushnera," *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* 2, 126–141.
- Fetisova, E. E. (2017) "Filosofiya i romanticheskaya estetika «shestidesyatnikov»: stoitsizm A. Kushnera," *Filosofiya i kul'tura* 2, 151–161. URL: <file:///D:/Downloads/filosofiya-i-romanticheskaya-estetika-shestidesyatnikov-stoitsizm-a-kushnera.pdf>
- Yachnik, L. N. (2015) *Intertextual'nost' i russkaya poeticheskaya traditsiya v tvorchestve Alexandra Kushnera: Diss. ... kand. filolog. nauk.* Kiev.